

AZƏRBAYCAN RESPUBLİKASI TƏHSİL NAZİRLİYİ
AZƏRBAYCAN DİLLƏR UNİVERSİTETİ

ELMİ XƏBƏRLƏR
RESEARCH PAPERS
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

Bakı - 2013

№ 2

İsaxan İsaxanlı

AMEA Nizami adına Ədəbiyyat İnstitutunun doktorantı

elektron poçt: iisaxanli@khazar.org;

isaxanisaxanli@mail.ru

«ПРОЩАЙ, БАКУ!» НА АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Açar sözlər: *Azərbaycan dilinə tərcümələr, Yeseinin Azərbaycan dilində, Yeseinin Bakıda, rus poeziyasından tərcümələr*

Keywords: *translations into Azerbaijani, Yeseinin in Azerbaijani language, Yeseinin in Baku, translations from Russian poetry*

Ключевые слова: *переводы на азербайджанский язык, Есенин на азербайджанском языке Есенин в Баку, переводы из русской поэзии*

Знаменитое стихотворение Есенина «Прощай, Баку!» посвященное В.И. Болдовкину (В.И. Болдовкин – близкий друг С.Есенина, младший брат Второго секретаря ЦК КП Азербайджана, главного редактора газеты «Бакинский рабочий» П.И. Чагина. В.И. Болдовкин в тот период работал в посольстве СССР в Тегеране в дипломатической почтовой службе) было напечатано в 115-ом номере газеты «Бакинский рабочий» 25 мая 1925 года - в день, когда Есенин покидал Баку. В.И. Болдовкин так вспоминает о том дне:

«Он (Есенин – И.Исaxанлы) с задором рассказывал, как в Балаханах проводил Первомай, как горячо его приветствовали нефтяники и ему просто жаль уезжать из Баку.

- Но скоро, летом, я опять приеду сюда в Мардакяны, к Петру Ивановичу на дачу.

Я накрыл на стол, хлопотал на кухне с каким-то жареным. Сергей сидел за письменным столом. Позвонили из типографии, у телефона метранпаж Качурин.

- Кто? Вася? Качурин? Это я, Сергей, Петр там скоро освободится? Уже сверстали? Передай Петру: «Прощай, Баку» я посвящаю Василию Ивановичу Болдовкину. Алло, Петр? «Прощай, Баку» я посвящаю Василию, прошу тиснуть. Вовремя? А то через полчаса было бы поздно? Ну ничего, Качурин пусть не обижается, обязательно вставит посвящение. Ждем.

Часов около двух ночи приехал брат и Качурин. Качурин держал свежий, еще пахнувший краской, оттиск газеты от 25 мая 1925 года.

Сергей стал читать «Прощай, Баку» и крепко-крепко поцеловал меня.

- Хорошо! Это посвящаю тебе. Жаль только, что не вместе едем в Москву.

В эту ночь Сергей был очарователен. Вчетвером провели мы эту ночь до рассвета. И я решил бросить все свои дела и ехать с Сергеем в Москву.

Решено - сделано. Итак, «Прощай, Баку», а друг не кивает головой (намёк на последнее двустишие стихотворения «Прощай, Баку!» - И.Исаханлы), а едет вместе с Сергеем.

В эту ночь Сергей был неподражаем. Экспромты с его уст сыпались в большом изобилии. Он был рад, что уговорил меня ехать с ним в Москву...

Наступило утро 25 мая 1925 года. Поезд Баку-Москва отходил в 13-00... Мы на площадке вагона, слышу свисток главного кондуктора, гудок паровоза, поезд медленно отходит от перрона. Сергей отвечает на десятки машущих рук: - Прощай, Баку!» [1, с.89-90].

Есенин особо выразил свою любовь к Баку, который встретил его с распростертыми объятиями, в стихотворении «Прощай, Баку!»:

Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь, больней и ближе,
И чувствую сильней простое слово: друг.

Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы.
Но донесу, как счастье, до могилы
И волны Каспия, и балаханский май.

Прощай, Баку! Прощай, как песнь простая!
В последний раз я друга обниму...
Чтоб голова его, как роза золотая,
Кивала нежно мне в сиреневом дыму [2].

«Прощай, Баку!» - является вторым наиболее часто переводимым на азербайджанский язык стихотворением Есенина (Первый – стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья»). Переведено на азербайджанский язык четырнадцатью переводчиками).

В первых письменных источниках подчеркивается, что это стихотворение впервые было переведено на азербайджанский язык Рафигом Зякой [3, с.69; 4. с.306]. Однако, исследователи забыли о существовании перевода Алекпера Зиятая, переведившего это стихотворение еще за 9 лет до Рафига Зяки. Алекпер Зиятай перевел стихотворение «Прощай, Баку!» в 1955 году по случаю 60-летия со дня рождения Есенина. Это стихотворение было напечатано в сборнике переводов «Русские поэты об Азербайджане» [5, с.34]. Первана Мамедова

была первой, кто отметил, что первичный перевод стихотворения «Прощай, Баку!» принадлежал Алекперу Зиятаю [6, с.70-71].

В статье «Бакинская Есениниана» Галина Шипулина отмечает:

«В азербайджанской критике существует несколько работ, в которых исследуются переводы произведений Сергея Есенина на азербайджанский язык. Одна из последних – статья Б.Перваны «Прощай, Баку!» на азербайджанском языке» (Литературный Азербайджан. 1994. № 4-5-6. с.168-172) в которой анализируются четыре перевода этого стихотворения. Правда, следует отметить, что опубликовано не четыре, а пять переводов, но второй по времени перевод Фикрета Садыга 1959 г. почему-то остался вне поля зрения автора статьи» [7, с.321].

В связи с данным высказыванием хотим отметить, что автор по имени Фикрет Садыг не переводил стихотворение «Прощай, Баку!». В 1959 году не Фикрет Садыг, а Ш.Садыг перевел стихотворение Есенина. Притом не стихотворение «Прощай, Баку!», а «До свиданья, друг мой, до свиданья», под названием «Прощай» [8] Видимо, именно название ввело автора статьи в заблуждение и привело, в конечном итоге, к ошибочному выводу.

В общем, стихотворение «Прощай, Баку!» перевели 10 переводчиков – Алекпер Зиятай (1955), Рафик Зяка (1964), Ахмед Джамил (1974), Алиага Кюрчайлы (1975), Князь Аслан (2005), Фируз Мустафа (2005), Эльдар Несибли Сибирэль (2006), Исахан Исаханлы (2009), Гамлет Исаханлы (2010), Эйваз Борчалы (2010).

Теперь постараемся дать разбор имеющихся переводов (Перевод автора этих строк, а также его брата – профессора, поэта-переводчика Гамлета Исаханлы здесь нами анализу не подвергается).

Перевод Алекпера Зиятая

Əziz Bakı, əlvida! Son görüşdür, əlvida!
 Bir həyəcan, bir kədər könlümü etmiş vətən.
 Ürəyim narahatdır bu ayrılıq çağında,
 Adi dostluq sözünü hiss edirəm dərinədən.

Ey Azər övladının yurd-yuvası, əlvida!
 Damarımda qan donur, gücdən düşür qollarım.
 Ən xoş anlarım kimi çıxmaz yadımdan amma,
 Xəzər dalğalarıyla, Balaxanı baharı.

Salamat qal, ey Bakı! Sən sadə bir nəğməsən,
 Son dəfə öz dostumu qoy bağrıma basım, qoy!
 İstərəm yasəməni tüstülərin içindən
 Qızıl gül tək başımı üzümə tərətsin o! [5, с.34]

Подстрочный перевод

*Милый Баку, прощай! Эта встреча последняя, прощай!
Грусть и тоска поселились в сердце моем.
Беспокойно сердце мое в час разлуки,
Простое слово «дружба» чувствую глубоко.*

*О, родина сыновей Азера, прощай!
В жилах застывает кровь, слабеют руки.
Но не забуду как лучшие мгновенья
Волны Каспия и балаханскую весну.*

*Счастливо оставаться, ей Баку! Ты простая песня,
Позволь обнять своего друга в последний раз!
Захочу из глубины сиреневых дым
Как роза клонит голову он в сторону моего лица!*

Перевод Алекпера Зиятая в какой-то степени можно считать удачным. В общих чертах переводчик смог верно передать дух стихотворения и впитать в перевод чувства, которые автор испытывал в момент разлуки. В то же время хотелось бы отметить в переводе ряд моментов:

Если в оригинале каждое четверостишие начинается с единого выражения «Прощай, Баку!», то в переводе это выражение каждый раз дается по-разному и это в серьезной мере нарушает своеобразную форму стихотворения и наносит ощутимый вред звучанию. Отметим, что все переводчики, кроме Алекпера Зиятая и Ахмеда Джамиля, смогли сохранить эту форму в том или ином виде.

Алекпер Зиятай строки из оригинала «Прощай, Баку! Сиянь тюркская, прощай!» перевёл как «*Ey Azər övladının yurd-yuvası, əlvida!*» («О, родина сыновей Азера, прощай!»). Сам по себе перевод нельзя считать неудачным. Однако, если учесть, что это первый перевод стихотворения, то должны заметить, что отсутствие в переводе таких естественных выражений как «səma» (небо), «göy» (небеса), должно считаться неудачным.

Выражение «балаханский май» в последней строке второго четверостишия, переведённое как «*balaxanı baharı*» («балаханская весна»), также не может считаться удовлетворительным. Весна - это одно из времён года, в стихотворении же речь идёт конкретно о мае месяце, если быть точным, о 1 Мая.

Как было отмечено, стихотворение «Прощай, Баку!» было опубликовано в газете «Бакинский рабочий» под №115 от 25 мая

1925-го года. К этому времени Есенин был в Баку уже около 2-х месяцев (он приехал в Баку 30 марта). Здесь радушно встретили Есенина, с его участием было проведено несколько вечеров поэзии, организованы разнообразные встречи с поэтом. 1 Мая был самым запоминающимся днём данной поездки. 1 Мая 1925-го года Есенин весь день провёл среди нефтяников Балаханы и членов их семей, читая им стихи, и веселясь вместе с ними. Несмотря на то, что в этот день был снят документальный фильм, к сожалению, он не сохранился. Поэт подразумевал именно тот день, написав в стихотворении «Балаханский май».

Забегая вперёд отметим, что в общем, ни один из переводчиков, имя которых упомянуто выше, не угадал, что под выражением «Балаханский май» автор подразумевал именно 1 Мая. Также нельзя не заметить слабую рифмованность второго четверостишия в переводе Алекпера Зиятая. Хотя третье четверостишие переведено удачно, тем не менее последняя строка («Qızıl gül tək başını üzümə tərətsin o!» – «Как роза клонит голову он в сторону моего лица») на азербайджанском языке звучит неестественно.

Перевод Рафига Зяки

Əlvida, ey Bakı, vəfalı şəhər!
Səni mən bir də görmədim, bəlkə!
Qəlbim eşqinlə çırpınar, döyünər,
Ey mənə mehriban olan ölkə!

Əlvida, ey Bakı, günəşli şəhər!
Ey şüalandıran fikirlərimi!
Mənə ilham verən səmavi Xəzər
Məni tərک eyləməz məzara kimi!

Əlvida, ey Bakı, gözəl mahnı!
Susuram səndən ayrılarkən mən.
Bir qızıl gül tək əy qızıl başını,
“Əlvida! Əlvida!” deyək sən, mən... (9)

Подстрочный перевод

Прощай, эй Баку, преданный город!
Тебя я, быть может, больше не увижу.
Моё сердце с любовью твоей бьется, трепещет,
Эй милая мне страна!

Прощай, эй Баку, солнечный город!
Эй освещающий мои мысли!
Воодушевляющий меня небесный Каспий
Не оставит меня до могилы.

Прощай, эй Баку, прекрасная песнь!
Умолкаю в час разлуки с тобой.
Словно роза нагни золотую голову,
«Прощай! Прощай!» скажем ты, я...

В переводе Рафига Зяки первая строка оригинала была передана в двух строчках, а от трёх других строк оригинала не осталась и следа. Так, открыто выраженная печальная нота расставания в оригинале:

Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
И сердце под рукой теперь больней и ближе,
И чувствую сильнее простое слово: друг, -
была передана в переводе в грубой, не имеющей отношение к оригиналу форме:

Qəlbim eşqinlə çırpınar, döyünər
Ey mənə mehriban olan ölkə!

(Моё сердце с любовью твоей бьётся, трепещет,
Эй милая мне страна!)

что, естественно, является недопустимым. Переводчик, не сумев уловить дух оригинала, не почувствовал ту глубокую печаль, испытываемую поэтом в момент разлуки и биения его сердца. Мысль оригинала

Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай!
Хладеет кровь, ослабевают силы, -

переданная в переводе как

Əlvida, ey Bakı, günəşli şəhər!
Ey şüalandıran fikirlərimi!

(Прощай, эй Баку, солнечный город!
Эй освещающий мои мысли!)

также вряд ли кому-то понравится. Начинаешь задумываться, откуда же здесь появилась строчка «*Ey şüalandıran fikirlərimi!*» («Эй освещающий мои мысли!»). Видимо, переводчик перепутал слово оригинала «синь» со словом «сияние», и поэтому мысль была переведена

неточно. Кроме того, выражение «Балаханский май» во втором четверостишии оригинала в переводе было упущено из виду вообще.

Перевод третьего четверостишия также оставляет желать лучшего. Так, мысль «В последний раз я друга обниму...», была дана абсолютно сухо, неточно и слабо, как «Susuram, səndən ayrılarkən tən» («Умолкаю в час разлуки с тобой»). Вообще, если убрать из этого перевода некоторые выражения, то будет трудно понять, что это - перевод известного стихотворения Есенина «Прощай, Баку!». Проанализируя перевод Рафига Зяки Амирхан Халилов пишет:

«Сердечная боль» в оригинале переведена Рафигом Зякой совершенно в противоположном смысле и в непоэтичной форме: «Qəlbim eşqinlə sığınar, döyünər» («Моё сердце с любовью твоей бьётся, трепещет»). Следовательно, нельзя сравнивать «сердечную боль» и «биение и трепет сердца с любовью». Такого рода неточностей в переводе Р. Зяки довольно много. В этом переводе в стихотворение были добавлены слова «ты, я, тебя, меня» без определённой на то надобности. Самое главное, что Есенин не был прочувствован, его мысли, сердцебиение были выражены сверх неестественно. Слабость этого перевода яснее выявляется при сравнении с другими переводами. Здесь восточные краски, рисуемые «восточной кистью», не выражены во всём естественном духе, чистоте и натуральности. Перевод - самая важная сфера творческой деятельности, которая требует от переводчика ещё большей ответственности за творчество автора. Потому, что это – дар писавшего в оригинале поэта своему неизвестному переводчику. А дар надо оберегать» [3, с.71].

Перване Мамедова же, в своей монографии, вновь подстрочно переведя на русский язык перевод Рафига Зяки, пришла к следующему выводу:

«Даже поверхностное сопоставление перевода с оригиналом показывает несостоятельность его. В переводе нет ни одной строки, ни одного стиха, которому можно было бы найти аналогии в оригинале и сказать: «Да, это идет от автора, от подлинника» [6, с.74].

Перевод Ахмеда Джамиля

Əlvida, Bakı! Daha çətin bir də görüşək...
İndi könlümə dolan qorxudur, qəm-qüssədir.
İndi əlimin altda daha bərk sancır ürək,
İndi daha dərindən duyuram ki, dost nədir.

Əlvida, Bakı! Ey Şərq üfüqləri, əlvida!
İnan, qanım soyusa, taqətdən düşsəm də mən,

Apararam, gedəcək mənimlə ta qəbrəcən
Balaxanı mayı da, Xəzər dalğaları da.

Əlvida! Salamət qal nəğməli könül kimi!
Qoy mən son dəfə öpüm barı dostu, yoldaşı...
Bənövşəyi tüstüdə əyilsin qoy gül kimi
Dostun uqur diləyən, "yaхşı yol!" deyən başı [10].

Подстрочный перевод

Прощай, Баку! Вряд ли мы еще встретимся...
Сейчас душа наполняется страхом, печалью, грустью.
Сейчас под рукой еще сильнее колет сердце,
Сейчас еще сильнее чувствую, что значит друг.

Прощай, Баку! Эй горизонты восточные, прощай!
Поверь, если остынет кровь, если я выбьюсь из сил,
Унесу, уйдёт со мною до могилы,
И Балаханский май, и волны Каспия.

Прощай! Счастливо оставаться как полная песен душа!
Дай, хоть в последний раз поцелую друга, товарища...
В фиолетовом дыму пусть нагиается как цветок
Голова друга, напутствующая «в добрый путь!».

Перевод Ахмеда Джамии можно считать успешным во всех смыслах. Переводчик смог глубоко прочувствовать дух оригинала с успехом донести до читателя всю поэзию подлинника, в целом, точно и поэтично. Но, в то же время следует отметить следующее. Несмотря на то, что переводчик в первых двух четверостишиях сохранил выражение, «Прощай, Баку!», опустив его в третьем четверостишии, нарушил свойственную форму и манеру звучания оригинала. Не может считаться и успешным частое употребление слова «indi» («сейчас») в последних трех строчках первого четверостишия, а также допущение в первой строчке третьего четверостишия слов «Əlvida» («Прощай») и «Salamat qal» («Счастливо оставаться») вместе. Хотелось бы здесь отметить еще один момент. Стихотворение в оригинале заканчивается так:

*Чтоб голова его, как роза золотая,
Кивала нежно мне в сиреневом дыму.*

Разбирая последнее четверостишие перевода Ахмеда Джамии, Первана Мамедова пишет:

«Из оригинала видно, что речь идет о Бакинском мае, периоде цветения сирени. Таким образом, ясно, что «сиреневый дым» имеет

кроме цветового, чисто метафорическое значение и указания на конкретное астрономическое время. И такая трансформация (замена оригинального выражения «сиреневый дым», на «фиалковый дым» в переводе – И. Исаханлы) недопустима, ибо конец весны (май месяц), заменяется ранней (март), периодом цветения фиалок» [6, с.77].

Отсюда очевидно, что Первана Мамедова связывает выражение «сиреневый дым» с сиренью. По нашему мнению, эта мысль, сколько бы ни была интересной, является ошибочной. В таком случае, слово «дым» в выражении «сиреневый дым», остается неясным даже при накладывании на него «метафорического оттенка». Мы утверждаем, что Есенин, под «сиреневым дымом» подразумевал отнюдь не сирень, а туманный воздух сиреневого оттенка – дым, образовавшийся во время переработки нефти. Обладая отменным мастерством уподобления, Есенин описывает картину разлуки с Баку, на фоне «сиреневого дыма» нефти, являющегося символом тогдашнего (да и нынешнего) Баку.

Отметим, что Алекпер Зиятай и Ахмед Джамиль, переведя выражение «сиреневый дым», по праву акцентировали внимание не на «сирени», а на «дыму», иными словами обратили внимание не на сирень, а на дым. А «сирень» и «фиалка» в их переводах лишь указатель на цвет дыма. Уместно напомнить и тот факт, что в стихотворении «Отчего луна так светит тускло», Есенин, описывая ночь в сиреновом цвете, использует выражение – «сиреневые ночи».

Перевод Алиага Кюрчайлы

Əlvida, Bakı! Səni mən bir daha görməgəm,
İndi mənim qəlbimdə kədər, qorxu səsi var.
Ürəyim daha yaxın, xəstəhal vurur bu dəm,
Daha möhkəm duyuram - sadə dost kəlməsi var.

Əlvida, Bakı! Mavi türk səması, əlvida!
Qüvvədən düşürəm mən, damarımda donur qan.
Mən bir səadət kimi aparram məzaracan
Balaxanı mayını, Xəzər dalğasını da.

Əlvida, Bakı! Sadə nəğmə kimi, əlvida!
Son dəfədir sığıram sinəmə dostumu mən...
Onun başı qoy qızılgül kimi bu son anda
Yellənsin vida deyə yasəmənler içindən [11, с.154].

Подстрочный перевод

Прощай, Баку! Не увижу тебя больше я,
Теперь в моём сердце скорбь и голос страха.
В это мгновенье сердце стучит ещё ближе и болезненно,
Ещё сильнее чувствую - есть простое выражение друг.

Прощай, Баку! Синее тюркское небо, прощай!
Силы теряю я, в жилах застывает кровь.
Я как счастье донесу до могилы
Балаханский май и волны Каспия.

Прощай, Баку! Как песнь простая, прощай!
В последний раз прижимаю к груди друга я...
Пусть его голова как роза в этот последний миг
Качается на прощанье среди сирени.

Ясно видно, что, переводя, Алиага Кюрчайлы глубоко ощутил чувства, пережитые автором стихотворения в момент расставанья. Переводчик смог достаточно близко к оригиналу и в полной форме передать сердцебиение и скорбь расставанья. Вместе с тем, отметим три момента. Во-первых, во второй строчке первого *четверостишия* «İndi mənim qəlbimdə kədər, qoqxu səsi var» («Теперь в моём сердце скорбь и голос страха») было бы более правильно использовать слово «hissi» («чувство») вместо «səsi» («голос»). Потому что человек не слышит, а чувствует страх.

Во-вторых, в том же *четверостишии* строчку «И сердце под рукой теперь, больней и ближе» передать в виде «Ürəyim daha uxaın, xəstəhal vurur bu dəm» («В это мгновенье сердце стучит ещё ближе и болезненно») не является удачным вариантом. В результате дословного перевода слова «ближе» («uxaın») теряется поэтичность не только строки, но и всей строфы. На самом же деле, словом «ближе» поэт хотел передать трепет и биение сердца в час разлуки.

В-третьих, в последнем отрывке последней строфы выражение «сиреневый дым» было переведено ошибочно, как цветок сирень. Об этом моменте мы уже говорили чуть выше, анализируя перевод *Ахмеда Джамия*.

Хочется особо отметить один важный момент, отличающий перевод Алиаги Кюрчайлы от предыдущих трёх. При переводе выражения «синь тюркская», в отличие от трех предыдущих переводчиков, он отказался от обобщённых выражений как «Azər övladının yurd-yuvası» - «родина сыновей Азера» (А.Зиятай), «günəzli şəhər» - «солнечный город» (Рафиг Зяка), «şərq üfüqləri» - «восточные

горизонты» (А.Джамиль) и с решимостью передал выражение как «mavi türk səması» - «синее тюркское небо», которое соответствует оригиналу.

Перевод Князя Аслана

Əlvida, ey Bakı! Ayrılacaq gərək,
Kədər var, qorxu var qəlbimdə indi.
Əlimin altında ağrıyır ürək,
Dostu qoyub getmək yaman çətindi.

Əlvida, ey Bakı! Ey türk səması!
Tükənir qüvvətim, buzlayır qanım.
Mənimlə məzara gedir, inanın,
Balaxanı mayı, Xəzər dalğası.

Əlvida, ey Bakı! Sadə nəğmə tək!
Son dəfə dostyana qoy qucum səni...
Qoy qızıl gülləri yelləsin külək,
Yasəmən baş əyib ötürsün məni

[12, с.123].

Подстрочный перевод

Прощай, эй Баку! Нам надо расстаться,
В сердце моём сейчас скорбь и страх.
Под рукой болит сердце
Уйти, оставив друга, ой как больно.

Прощай, эй Баку! Эй тюркское небо!
Иссякают силы, застывает кровь.
Со мною в могилу уходит, поверьте,
Балаханский май, Каспийские волны.

Прощай, эй Баку! Как песнь простая!
Дай в последний раз по-дружески обниму тебя...
Пусть качает розы ветер,
Чтобы наклонив голову, сирень провожала меня.

В оригинале - в первом четверостишии сердце поэта наполнено печалью и страхом из-за расставанья с Баку и мыслью о том, что он больше никогда не встретится с ним. В переводе же создается впечатление, что поэт просто расстаётся с любимым городом. Здесь не находит свое отражение мысль о том, что они больше никогда не встретятся.

В последней строке первого куплета переводчик так же совершенно по-другому передает мысль оригинала. В то же время во втором *четверостишии* переводчик смог успешно сохранить мысль и поэзию оригинала, чего невозможно сказать о переводе третьего *четверостишия*. Перевод последнего *двустихия в виде* «Qoу qızıl gülləri yelləsin külək/Yasəmən baş əyib ötürsün məni» («Пусть качает розы ветер, чтобы наклонив голову, сирень провожала меня») не может удовлетворить взыскательного читателя и исследователя. В отличие от оригинала этот отрывок имеет совсем другой смысл. Правда *двустихие*, само по себе, звучит достаточно поэтично. Однако, это не Есенин.

Перевод Фируза Мустафы

Səni görməyəcəm, əlvida, Bakı!
Qəlbimi sarıbdı kədər, qüssə-qəm.
Ürəyim köksümdən çıxacaq sanki,
Dostumsan – bu sözlər çıxır dilimdən.

Əlvida, türk göyü – əlvida, Bakı!
Ürəyim sonuncu anları sayır.
Qəbrəcən könlümdə qalacaq bil ki,
Xəzər ləpələri, Balaxan mayı.

Nəğmə tək, əlvida! Əlvida, Bakı!
Öpürəm mən gözü yaşlı dostumu.
Yasəmən tozunda qızıl gül kimi
Əyilir köksünə başı dostumun [13].

Подстрочный перевод

Тебя я не увижу, прощай, Баку!
Грусть, печаль окутали мою душу.
Сердце будто выскочит из груди,
Ты мой друг - слова эти звучат из уст моих.

Прощай, тюркское небо - прощай, Баку!
Сердце доживает последние мгновения,
Знай, до гроба останутся в моем сердце,
Волны Каспия, Балаханский май.

Как песнь, прощай! Прощай, Баку!
Целую я друга со слезами на глазах.
Словно роза в сиреневой пыли,
Нагиается к груди голова друга.

Переводчик, ставя выражение «Əlvida, Bakı!» («Прощай Баку!») не в начале, а в конце первой строчки каждой строфы, старается, в какой-то мере, сохранить форму, но тем самым нарушает интонационное звучание стихотворения.

Переводчик, хоть и выразил мысль в первой строфе достаточно полно и поэтично, перевод полустушия второй строфы «Хладеет кровь, ослабевают силы» как «Ürəyim sonuncu anları sayır» («Сердце доживает последние мгновения»), как нам кажется, в общем хоть и можно принять, но с точки зрения поэтичности слаб. Дословный перевод этого полустушия был бы более убедительным. Во второй строфе в последнем полустушии слово «Balaxanı», чтобы не нарушить количество слогов, дано как «Balaxan», хотя это тоже не желательный момент. «Balaxanı» - это название конкретной местности, а «Balaxan» - человеческая имя.

Перевод выражении «в сиреневом дыму» в конце стихотворении как «yasəmən tozu» («сиреневая пыль») тоже не понятно.

Перевод Эльдара Насибли Сибиреля

Əlvida, Bakı! Səni, bəlkə, görmədim yenə,
İndi könlüm kədərli, qəlbim səksəkəlidir.
Ürəyim də əlaltda xəstə olsa da, sənə
Sadəcə, dostum desəm, hər şeydən irəlidir.

Əlvida, Bakı! Doğma türk göyləri, əlvida!
Daha qanım soyuyur, daha gücüm yayınır.
Hoşbəxtlik tək aparram özümlə məzara da
Xəzərin dalğasını, Balaxanı mayını.

Əlvida, Bakı! Sadə nəğmə kimi, əlvida!
Sonuncu dəfə səni gəl, sıxım köksümə mən.
Dostum, qızılgül kimi qoy yellənsin başın da
Mənimlə vidalaşan yasəmənlər içində [14].

Подстрочный перевод

Прощай, Баку! Тебя, может не увижу снова,
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.
Пусть сердце под рукой больное, тебя я
Просто, если другом назову - и это превыше всего.

Прощай, Баку! Родные тюркские небеса - прощайте!
Уж кровь хладеет, силы иссякают.

Как счастье унесу с собой в могилу я
Волны Каспия и балаханский май.

Прощай, Баку! Как песнь простая, прощай!
Дай прижму тебя к груди в последний раз.
Мой друг, подобно розе пусть кивает голова твоя,
Среди сиреней прощающийся со мной.

В оригинале автор уверен в том, что больше не увидит Баку, переводчик же сомневается в этом: «Səni, bəlkə, görmədim uenə» («Тебя, может, не увижу снова»). Наряду с этим, переводчик довольно интересно, точно и поэтично, буквально по есенински отразил вторую строку стихотворения: «Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг» - «İndi könlüm kədərli, qəlbim səksəkəlidir».

Нас не устраивает перевод строки «И сердце под рукой теперь больней и ближе» как «Ürəyim də əlaltda xəstə olsa da» («Пусть сердце под рукой больное»). У поэта не больное сердце, этой строчкой он просто выражает грусть расставания с Баку. Достаточно слабым с точки зрения поэтичности является также вторая строка второго четверостишия: «Daha qanıt soyuyur, daha gücüt uayınır».

Как и в большинстве переводов, здесь также наблюдается неточный смысловый оттенок передачи последней строки третьего четверостишия: И здесь «сиреневый дым» дан как «Yasəmən güllü» («Сиреневый цветок»).

Перевод Эйваза Борчалы

Əlvida, Bakı! Daha görməyəcəm səni mən.
Kədər çöküb könlümə, qorxu keçir içimdən;
Əlim altda ürəyim didib tökülür özünü
Daha bərk hiss edirəm mən indi dost sözünü.

Əlvida, Bakı! Mavi Türk diyarı, əlvida!
Tükənir canda taqət, soyuyur damarda qan.
Amma mənle gedəcək mənə səadət olan
Xəzərin dalğası da, Balaxanı mayı da!

Əlvida, Bakı! Sadə bir nəğmətək əlvida!
Son dəfə can dostumu basaram bağrıma mən
Qızılgültek boy verib başını sallar o da
Yasəmən çalarlı tüstü-duman içindən [15, c.33].

Подстрочный перевод

Прощай, Баку! Больше не увижу тебя я.
Грусть объяла душу, страх обуял меня;
Под рукою моей сердце распинаят себя
Еще сильнее чувствую я теперь слово друг.

Прощай, Баку! Синий Тюркский край, прощай!
Нет сил больше в теле, остывает в жилах кровь.
Но со мною уйдут ставшие счастьем для меня
И волны Каспия, и балаханский май!

Прощай, Баку! как песнь простая, Прощай!
Последний раз сердечного друга обниму.
Как роза раскинувшись головой поникнет он
Сквозь розового оттенка дымка-туман.

Хотя первое *четверостишие* и переведено достаточно точно и интересно, выражение «didib tökür özünü» («распинает себя») в третьей строке звучит неестественно и выглядит несколько слабо. Потому, что фактически, в нашем языке по отношению к сердцу такое выражение не употребляется. Отметим и то, что при переводе этого *четверостишия* была нарушена также и система рифмы оригинала. В переводе рифмованы первая-вторая и третья-четвертая строки, когда в оригинале рифмуются между собой первая-третья и вторая-четвертая строки.

В третьей строке второго *четверостишия* также чувствуется определенная неестественность. Смысл этой строки в оригинале прост и понятен, а в переводе он достаточно утяжелен.

Хотя в отличии от ряда переводчиков, автор и сумел найти достаточно интересное выражение «Yasəmənî çalarlı tüstü-duman», соответствующее выражению «сиреневый дым» в оригинале, в целом, необходимо отметить, что перевод последнего *четверостишия* получился не таким уж и удовлетворительным.

Как видно, переводы стихотворения «Прощай, Баку!», с точки зрения временного отрезка, охватывают 55-летний промежуток (первый перевод - 1955, последний перевод - 2010). Первые 4 перевода были сделаны за 20 лет (1955-1975), но последующие 30 лет (1975-2005) к этому стихотворению никто не обращался. Наконец, начиная с 2005 года, в преддверие 110-летнего юбилея Есенина, интерес к его поэзии возрос, и многие поэты-переводчики взялись за переводы его стихотворений, в том числе и «Прощай, Баку!». Из привлеченных к анализу восьми переводов пятеро переведены четырнадцатисложни-

ком, два – одиннадцатисложником, а один - перевод Рафига Зяки – в ритме «аруз».

Опираясь на вышеизложенные свои анализы и мнения других специалистов по поводу этих переводов, можно сделать вывод, что правильнее всего использовать четырнадцатисложник (или даже больше) в передаче общего настроения этого стихотворения. Именно в этом случае душевные переживания, грусть разлуки могут быть переданы точнее, выразительнее и поэтичнее. При передаче всех этих нюансов одинадцатисложниками чувствуется какая-то «теснота» и возникает проблема «недостатка слога», «недостатка слов». Наше мнение основано на существующих на сегодняшний день вариантах перевода.

Во всех переводах привлеченных к анализу, мы сталкиваемся со слабыми и сильными сторонами, но удачными, на наш взгляд, являются переводы Алекпера Зиятая, Ахмеда Джамиля и Алиаги Кюрчайлы среди четырнадцатисложных переводов и одиннадцатисложный перевод Князя Аслана.

Хотя в переводе и важно придерживаться оригинала, не менее важно насколько естественно сделан и звучит перевод на языке перевода, в данном случае – на азербайджанском языке.

С этой точки зрения из четырех выделяемых переводов перевод Ахмеда Джамиля считаем более поэтичным. Ахмед Джамиль, глубоко прочувствовав общий дух и горе разлуки мастерски перевел стихотворение написанное «кровью сердца» поэта и с той же поэтической энергией, достиг осязаемого успеха в создании образца перевода, Достойного имени Есенина и Баку.

Если учесть беспредельную любовь читателей к поэзии Есенина, то не остается сомнений в том, что появятся новые-преновые переводы его стихотворений, в том числе стихотворения «Прощай, Баку!».

Литература

1. Василий Болдовкин. Он всем нам родной. «Слово», Российский журнал художественной литературы и общественной мысли. Москва, 2003, № 2, март-апрель.
2. Газета «Бакинский рабочий», 1925, 25 мая.
3. Амирхан Халилов. Сергей Есенин. Золотая осень и весна Мардакяна (на азербайджанском языке). Баку, Издательство «Азербайджан», 1996.
4. Рафик Новрузов. Художественный перевод и проблема взаимодействия, взаимообогащения литератур. Баку, Элм, 1990.
5. Русские поэты об Азербайджане (на азербайджанском языке). Баку, «Азгосиздат», 1955.
6. Первана Мамедова. Сергей Есенин на азербайджанском языке. Баку, «Мугарджим», 2003.

7. *Шипулина Галина*. Бакинская Есениниана. Столетие Сергея Есенина. Международный симпозиум. Есенинский сборник. Выпуск III, Москва, «Наследие», 1997.
8. Газета “Ədəbiyyat və incəsənət” («Литература и искусство»), 1959, 10 января.
9. Газета “Azərbaycan gəncləri” («Молодежь Азербайджана»), 1964, 29 мая.
10. Газета “Ədəbiyyat və incəsənət” («Литература и искусство»), 1974, 6 октября.
11. *Есенин С.А.* Стихи и поэмы (Перевод: Алиага Кюрчайлы). Баку, «Азернешр», 1975.
12. *Поэтические переводы*. Первый сборник (на азербайджанском языке). Баку, Издательство «Хазар Университети», 2005.
13. Газета «Тас» («Корона»), 2005, 04-14 ноября.
14. Газета “Azərbaycan” («Азербайджан»), 2006, 4 июня.
15. *Есенин С.А.* «Персидские мотивы» (Перевод: Эйваз Борчалы). Баку, «Адилоглу», 2010.

Xülasə

“Əlvida, Bakı!” Azərbaycan dilində

Məqalə Yesenin “Əlvida, Bakı!” şeirinin Azərbaycan dilinə tərcümələrinin təhlilinə həsr edilmişdir. Məqalədə şeirin bu günə məlum olan bütün variantları təhlil edilmiş, qarşılıqlı müqayisələr aparılmışdır.

Summary

«Farewell, Baku!» in Azerbaijani language

The article is devoted to the analysis of Azerbaijani translations of the Yesenin's poem «Farewell, Baku!». It thoroughly investigates all the versions of the given translations and introduces their comparative analyses.

Rəyçi: prof. Ə.Əbdullayev

AMEA-nın Nizami adına Ədəbiyyat İnstitutunun

“Xarici ölkələr ədəbiyyatı və əbədi əlaqələr” şöbəsinin

26.12.2012-ci il tarixli iclasının 08 sayılı protokolundan çıxarış.

Daxil olma tarixi: 27.12.2012